

THRACIANS ON THE LOWER COURSES OF THE BUG RIVER IN THE VII—I CENTURIES B. C.

by K. K. Marchenko

The author discusses those elements in the local material culture of this region in the VII—I centuries which can be interpreted as Geto-thracian in the broadest sense. Particular attention is paid to the hand-thrown pottery, in the evolution of which four phases are distinguished.

In the first phase (650—500 B. C.) a virtually complete sampling of known Thracian pottery forms is represented among the finds from Berezan Island, Olbia and some of the earliest settlements in neighbouring districts (fig. 1, 3—5, 7; fig. 2; fig. 3, 5—9; fig. 4), indicating the presence of a Geto-Thracian component in the population of the region. This component accounts for more than 30% of all ceramic finds relating to the first phase. The presence of a Thracian component in the population of the colonies along the lower courses of the Bug provides a solution to the problem of the origin of the so-called arrow-coins. The author shares the opinion of those who think these coins originated in the Geto-Thracian tribal world. At the turn of the VI—V centuries Geto-Thracian elements give way to Scythian.

A new penetration of Olbia and Berezan by the Thracians, coinciding with the strengthening of the northern branch of the Geto-Thracians in the period 350—250 B. C., is attested by Thracian-type pots among the ceramic finds of this period (fig. 5, 4—7). The Thracian component accounts at the most for 7% of all pottery finds; no Thracian pottery of this phase is found in the agricultural settlements of the Olbian *chora*.

The last phase (end of III to middle of I centuries B. C) is marked by an infiltration into the local culture of occasional, scattered Geto-Dacian elements. No noteworthy Thracian penetration of the lower Bug region is attested for this period.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ИСОКРАТА В РЕЧИ «ФИЛИПП»

С именем Исократ связан определенный этап в развитии ораторского искусства и политической мысли Греции IV в. до н. э. Речи оратора — ценный источник для характеристики политических, экономических, социальных явлений указанного времени. Особенный интерес представляет политическая программа Исократ, неоднократно привлекавшая внимание ученых¹.

¹ Н. А. Астафьев, Македонская гегемония и ее приверженцы. СПб., 1895; И. К. Бабст, Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада, М., 1851; В. Г. Борохович, Э. Д. Фролов, Публицистическая деятельность Исократ, ВДИ, 1969, № 2, стр. 200—220; Л. П. Маринович, Место наемников в общественно-политических взглядах Исократ, ВДИ, 1965, № 3, стр. 22—34; Е. А. Миллер, Исократ и II Афинский морской союз, «Уч. зап. ЛГУ», № 39, вып. 4, 1939, стр. 89—134; Э. Д. Фролов, Монархическая идея у Исократ, «Проблемы отечественной и всеобщей истории», Л., 1969, стр. 3—20; А. С. Шофман, Идеологическая подготовка восточных походов в греческой историографии, литературе и публицистике, «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 2, Казань, 1967, стр. 123—137; Fr. Blass, Die attische Beredsamkeit, II, Lpz, 1892; K. Bringmann, Studien zu den politischen Ideen des Isokrates, Göttingen, 1965; E. Buchner, Der Panegyrikos des Isokrates, «Historia», Ht. 2, Wiesbaden, 1958; P. Cloché, Isocrate et son temps, P., 1963; D. Gillis, The Structure of Arguments in Isocrates «De Pace», «Philologus», Ht. 3—4, Wiesbaden, 1970; D. Gillis, Isocrates Panegyricus: The Rhetorical Texture, «Wiener Studien», Bd. 5, Wien, 1971; W. Jaeger, Paideia: The Ideals of Greek Culture, III, N. Y., 1944; H. Kehl, Monarchie im politischen Denken des Isokrates, Bonn, 1962; J. Kessler, Isokrates und die panhellenische Idee, Paderborn, 1911; J. Mathieu, Les idées politiques d'Isocrate, P., 1925.

Эту программу в основном можно разделить на три части: проблемы внутреннего управления государством, вопросы взаимоотношений полисов внутри Эллады и проблемы политики греческих городов по отношению к соседним странам — Македонии и Персии. Последний пункт, включающий в себя рассмотрение связи полисов с внешним миром, анализ принципов, которые лежат в основе политики и определяют врагов и союзников, наиболее подробно разработан в речи «Филипп». Хотя «Филипп» служил предметом специального изучения² и часто упоминается в исследованиях, посвященных оратору, интерпретация этого произведения не может считаться окончательно установленной и политическая направленность речи продолжает быть объектом дискуссий.

Нам хотелось бы обратить внимание на ряд вопросов, имеющих первостепенное значение не только для политической программы Исократы, но и для греческой политической теории вообще.

Речь была написана в тяжелое для Греции время. «Союзническая» (357—355 гг.), а затем «Священная» (355—346 гг.) войны ослабили Элладу, раздираемую политической борьбой. Положение осложнилось активной внешней политикой македонского царя Филиппа. Его вмешательство в греческие дела привело к тому, что внутренние конфликты Эллады стали перерастать в войну с Македонией. В 346 г. Афины заключили с Филиппом так называемый Филократов мир, по которому к Македонии отошла Халкидика, были признаны ее завоевания на Фракийском побережье, где Афинам удалось сохранить только Херсонес Фракийский. Речь Исократы, написанная в 346 г. после заключения мира, обращена к Филиппу с целью убедить его примирить воюющие греческие государства и начать совместную греко-македонскую войну против Персии.

История Греции первой половины IV в. до н. э. была полосой непрерывных войн полисов друг с другом, источники постоянно упоминают о военных приготовлениях, походах, сражениях. Сама по себе война, конечно, не была исключительным явлением для греческого общества. В истории Греции можно насчитать немало военных действий как значительного масштаба, например греко-персидские войны, так и мелких столкновений, так как в античном обществе война была лишь оборотной стороной его экономики³.

Тем не менее мы выделяем войны указанного периода как особые, ознаменовавшие чрезвычайно важный этап в истории Эллады. В период Пелопоннесской войны в Греции продолжалась упорная борьба за гегемонию, в которую практически были втянуты все полисы. Распри имели самые трагические последствия и привели государства к потере независимости. Для времени, о котором идет речь, источники отмечают изменения в практике ведения войны: все более широкое применение наемников⁴, участвовавшие случаи разорения и опустошений⁵, крайнюю жестокость по отношению к врагам⁶, обострение социальной борьбы⁷, непримиримую вражду политических группировок⁸, влияние войны на экономику⁹.

² S. Perlman, Isocrates «Philippus». A. Reinterpretation, «Historia», Ht. 3, Wiesbaden, 1957; он же, Isocrates Advice on Philip's Attitude towards Barbarians, «Historia», Ht. 3, Wiesbaden, 1967; G. Dobesch, Der Panhellenische Gedanke im 4 Jh. v. Chr. und der «Philippus» des Isokrates, Wien, 1968.

³ А. В. Мишулин, К изучению войны и военного производства в древности, ВДИ, 1940, № 1, стр. 227.

⁴ Xen., Hell. II, 4, 43; III, 1, 13; 2, 7; V, 1, 12; VI, 1, 5—7; Dio d., XV, 70, 3; Isocr., De Pace, 46—48.

⁵ Xen., Hell. IV, 4, 19; 6, 4—5, 12; VI, 5, 22—27; Hell. Oxyrh. XVI, 1, 1—5.

⁶ Xen., Hell., II, 1, 31—32; V, 3, 18.

⁷ Dio d., XV, 45, 1; Lys., XXXIII, 3—4; Isocr., Phil. 49, 52, 120.

⁸ Xen., Hell. I, 3—4; IV, 4, 6—12; V, 3, 25; 4, 11—12, 55.

⁹ Xen., Oecon. II, 6, Poroi. V, 1—2, 12; см. также Л. М. Глускина, Эйфора в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1961, № 2, стр. 23—38; он же, О специфике классического греческого полиса в связи с проблемой его кризиса, ВДИ, 1973, № 2, стр. 27—44; Л. П. Маринич, Греческое наемничество в конце V — начале IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 4, стр. 70—87; он же, Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н. э. в трактатах Энея Тактика, ВДИ, 1962, № 3, стр. 49—77;

Проблемы взаимоотношений греческих государств в V—IV вв. до н. э. занимали важное место в политических теориях. Дебатировались вопросы о праве сильного, о понятии справедливости в межполисных отношениях, проблемы полисных союзов, всеобщего мира (*κοινὴ εἰρήνη*)¹⁰. Подобная обстановка не могла не оказать влияния на политические взгляды современников. Проблемы войны и описание военных действий мы найдем в речах ораторов, у Ксенофонта, Оксирихского историка. Война оказывала влияние не только на жизнь общества, но и на его психологию, мировоззрение, восприятие событий.

Творчество Исократ также отражает влияние войны на отношения между полисами¹¹. Характеризуя современную ему обстановку, оратор выделяет военные действия как основной фактор. Война в сущности является доминантой речи «Филипп», ключом ко всем аспектам в понимании прошлого, настоящего и будущего. Мифические предки, государственные деятели прославляются и возвеличиваются именно за военные победы (Isocr., Phil. 63, 111—112), причиной нынешнего бедственного положения Эллады объявлена война (Phil. 43, 47—55) и, наконец, будущее представлено как греко-македонский поход в Азию (Phil. 123—127, 132, 154).

Таким образом, анализ того, что предшествовало данному этапу, того, что есть, и того, что требуется, производится в рамках определенной установки, которая в источнике предстает универсальной. Проблемы, порожденные войной, могут найти свое разрешение лишь через ее посредство. Описание состояния греческих государств в речи «Филипп» в основном сводится к краткому перечню их побед и поражений, другие стороны жизни затрагиваются лишь для того, чтобы показать изменения, вызванные войной. Исократ стремится закрепить у своего читателя отрицательное отношение к войне между полисами путем ее соотношения с понятиями зла (*τὸ κακόν*), смуты (*ἡ ταραχή*), опасности (*ὁ κίνδυνος*), а также различными вариантами слов, обозначающих убийство, разрушение (*ἀπολλύναι, λυμάνομαι, τέμνω, ἀποκτείνω, πορθεῖω*).

Когда Исократ характеризует состояние Эллады, он фиксирует внимание лишь на четырех греческих государствах — Афинах, Спарте, Аргосе и Фивах. Таким образом, оратор отмечает гегемонов и расстановку сил между городами. Описание одинаковых бедствий, которые терпят враждующие стороны, дает ему возможность показать причину такого состояния.

Спарта, Аргос и Фивы описаны примерно по одной схеме: постоянные военные столкновения, изменчивость военного счастья, нарушение нормальной полисной жизни, в Аргосе — чрезвычайное обострение социальных противоречий, всеобщие смута и смуты (Phil. 47—55). Схема продиктована установкой оратора, стремящегося не столько описать реальные бедствия, сколько воссоздать обобщенную картину бед всей Греции. Кроме традиционных противников — Афин и Спарты — на политическую арену Исократом выведены Фивы и Аргос. Борьбу между собой уже ведут четыре полиса вместо двух. Происходит дробление конфликта, расширяется круг государств, претендующих на первенство. Исократ обращает внимание читателей на то, что ни один из полисов не смог добиться более или менее продолжительного и крупного успеха, отражает быстро меняющуюся конфронтацию сил в Элладе, политическую неустойчивость. Он не сомневается, что такая ситуация не может долго продолжаться.

Основное внимание оратор уделяет все-таки Афинам и Спарте, сопоставляя два понятия: власти на море и гегемонии на суше (*ἀρχὴ τὴν κατὰ θάλατταν καὶ ἡγεμονίαν κατὰ γῆν*), две трактовки межполисных связей и взаимоотношений внутри Эллады. Однако в «Филиппе» эта тема отходит на задний план и не получает подробной раз-

Э. Д. Фролов, Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах», в кн. «Проблемы социально-политической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 205—224.

¹⁰ Т. Т. В. R y d e r, Koine eirene. General peace and local independence in ancient Greece, L., 1965.

¹¹ Т. А. S i n c l a i r, A history of Greek political thought, L., 1951, стр. 118.

работки, так как изменившаяся политическая ситуация выдвигала новые насущные проблемы.¹²

Главное внимание уделено тезисам о разобщенности полисов, о гибельности для них междоусобных войн, от которых одинаково страдают и победители и побежденные. Оратор стремится отойти от своих симпатий и антипатий к различным политическим системам, от проблем внутреннего управления.

Войны при описании Эллады становятся роковым фактором, мешающим благоденствию, источником бедствий. Осуждаются стремления одних городов покорить другие. Военные столкновения между полисами Исократ называет безумием (*μανία*) (Phil. 89), он стремится доказать, что борьба за первенство губит полисы и является несправедливой (Phil. 146—148). По его мнению, все любят не тех, кто приобрел могущество для себя, а тех, кто стал причиной многочисленных благ (*πλείστον ἀγαθῶν*) для эллинов (Phil. 145). Негативное отношение к стремлению господствовать можно отметить еще в одном, довольно неожиданном аспекте — отсутствие силы, превосходящей другие, создает среди полисов-лидеров некоторое равновесие, которое и затягивает войну (Phil. 38).

Исократ пишет, что далеко не все разделяют его взгляды на войну, и сообщает об ораторах, подстрекающих к ней (Phil. 3), людях, готовых вносить смуту в свои государства (Phil. 73), хотя конкретно не названа ни одна политическая группировка. Критерием для отбора противников здесь служит отношение к миру с Филиппом и войне с Персией. Автор упоминает людей, желанием которых соответствовала война с Македонией (Phil. 3), и многих из эллинов, считающих могущество персидского царя непреодолимым (Phil. 139).

Оратор неоднократно предпринимал попытки убедить полисы в пагубности постоянных раздоров, в необходимости объединиться для совместного похода в Азию. В антиперсидской программе Исократа важное место занимал вопрос о предводителе похода. В «Панегирике», а затем в речи «О мире» роль инициатора похода предлагалась Афинам. Но попытки автора направить политику полиса по нужному ему пути потерпели неудачу.

Исократ признает, что ему вправе задать вопрос, почему он обращается с призывом к походу против варваров и заботе об эллинах к македонскому царю, обойдя свое государство. Он объясняет это тем, что энергично призывал к свершению подобных дел именно родной город, но афиняне обратили на его слова меньше внимания, чем на речи ораторов, беснующихся на трибунах перед народом. Поэтому оратор вынужден был отступить от Афин, не отказавшись, однако, от своей цели (Phil. 128—130). Приведенные слова Исократ объясняют его взгляды на кандидатуру предводителя похода, которая могла меняться, но цель оставалась прежней. Неоднократные воззвания к Афинам показывают, что он стремился решить свою задачу не только в рамках полисной системы, но даже в интересах вполне определенного полиса.

Убедившись в бесплодности обращений к полисам, Исократ призывает к войне с персами Дионисия Сиракузского, тирана Гераклеи Тимофея. «Идея восточного похода и тема властителя как бы объединяются и конкретизируются в исократовских письмах, где обращение к наиболее влиятельным фигурам эпохи ставит своей задачей убедить их лично взяться за дело»¹².

В «Кипрских речах» оратор обращался к единовластным правителям и раскрывал стоящие перед ними задачи управления государством¹³. В «Письмах» и «Филиппе» он возвращается к этой теме, но связывает ее с вопросами внешней политики. И в том и в другом случае попытки привлечь негреческих правителей для решения задач, поставленных оратором, связаны с его разочарованием в политике полисов. Однако не следует забывать: кому бы ни поручал Исократ осуществление своих планов, его

¹² Т. А. Миллер, Письма Платона и Исократ, в сб. «Античная эпистолография», М., 1967, стр. 48.

¹³ См. Фролов, Монархическая идея у Исократ, стр. 3—20; K e h l, Monarchie im politischen Denken...

конечной целью была выгода для греческих городов, он предлагал мероприятия, в которых были прежде всего заинтересованы эллинские государства.

Наконец Исократ решил, что нашел в лице македонского царя Филиппа силу, способную объединить полисы и начать антиперсидскую кампанию. Власть Филиппа привлекает автора возможностью отправлять послов куда угодно, принимать их от кого угодно, говорить то, что кажется полезным (λέγειν ὅ τι ἂν ἡγῆσθαι συμφέρον) (Phil. 15). Остальные великие люди лишены таких благ, так как вынуждены подчиняться государству и законам (ὑπὸ πόλεσι καὶ νόμοις οἰκούντας) (Phil. 14). Доказывается, что македонский царь благодаря единовластию обладает значительными преимуществами перед греческими государствами, что дает ему право на гегемонию в походе против варваров¹⁴.

Достижения Филиппа очень внушительны, он покорил целый ряд варварских племен, имеет возможность вмешиваться в дела полисов (Phil. 20—21), в результате он предстает более способным к принятию нужных решений, чем кто-либо другой (Phil. 18). Выше уже отмечался интерес Исократа к единовластному правлению. Если сравнить данную характеристику с «Кипрскими речами», «Архидамом», «Письмами», мы увидим, что такое обращение довольно стандартно для оратора. Восхваление власти Филиппа как формы управления государством в этом случае скорее общее место, ораторский прием, нежели стремление представить эту власть как реальную модель для подражания. Исократ признает военные успехи Филиппа закономерными, так как власть находится в одних руках, но нигде не называет их законными. Для сопоставления с македонским царем автором отобраны те политические деятели, которые, по его мнению, достигли выдающегося положения, переступив рамки законов или общепринятых правил.

Алкивиад, находясь в изгнании, воевал со своей родиной и вверг в несчастья всю Элладу (Phil. 59—60). Характерно, что хотя он и вернулся в Афины с огромной славой (μεγάλη δόξα), но не получил одобрения всех (οὐ μὲν ἐπαίνουμένους ὑφ' ἀπάντων) (Phil. 61). Конон, отказавшийся вернуться домой после поражения в битве при Геллеспонте, не имея ничего, кроме «тела и замысла» (τὸ σῶμα καὶ τὴν διάνοιαν), сумел победить спартанцев и вернуть родному городу былую славу (Phil. 62—64). Дионисий, будучи обыкновенным человеком, но безрассудно и безумно возжелав монархии (ἐπιθυμήσας μοναρχίας ἀλόγως καὶ μανικῶς), решился на все, что обеспечивало успех его замыслам, и захватил власть над Сицилией (Phil. 65). Признавая природные данные, наличие власти и богатства силами, диктующими обществу свои условия (Phil. 15, 41), Исократ предполагает элементы случайности в том, что тот, а не другой человек, обладающий необходимыми данными, добился успеха. Недаром, упоминая о Кононе, Алкивиаде и Дионисии, автор все время употребляет глагол τυγχάνω, носящий оттенок случайности, их политические карьеры представлены как то, что могло и не состояться.

Поэтому священную миссию по объединению Эллады и организации похода на Восток мог выполнить не только Филипп. Просто в данный момент в нем воплотились качества, необходимые для поставленной задачи. Следует отметить то большое значение, которое имеет в речах Исократа понятие подходящего момента. Р. Джонсон в статье «Isocrates methods of teaching» обратил внимание на место *καιρός* в структуре речи вообще (λόγος), определив его как удачный момент, удачные обстоятельства, удачные методы для оправдания курса действия¹⁵.

¹⁴ Демосфен выдвигает совершенно иные причины возвышения Филиппа. Признавая, что тот стал велик (II, 8), он считал, что македонский царь приобрел такое могущество благодаря беспечности афинян (IV, 11), достиг всего обманом (II, 7), сыграв на корыстолюбии некоторых людей (II, 8), и что Македония сильна лишь союзниками (II, 14). Филипп, по его мнению, умеет пользоваться обманом, уступками, угрозами, клеветой, лестью (I, 3; II, 10). В то же время он признает преимущества единовластия при ведении войны (I, 4).

¹⁵ R. J o n s o n, Isocrates methods of teaching, AJP, LXXX, N. Y., 1959, стр. 34; W. S t e i d l e, Redekunst und Bildung bei Isokrates, «Hermes», № 80, 1952, стр. 264.

Такое понимание *κλιρός* вполне справедливо и для «Филиппа». Умение использовать подходящий момент, не упустить его, служит решающим фактором, благодаря которому политический деятель, обладающий качествами, необходимыми для успеха, добивается осуществления своих замыслов. Филипп, например, в данном случае действует при удачном стечении обстоятельств, которые одновременно могут помочь ему примириться с греками, превзойти все известные деяния, получить немеркнущую славу и совершить удачный поход, сулящий новые земли и богатства. В «Панегирике», обращаясь к греческим государствам, Исократ тоже убеждал их, что наступил удобный момент войны с персами (Ранг. 160, 172). Это служит доказательством того, что некоторые аргументы оратора остаются неизменными, меняется лишь объект их приложе ния.

Интересно отметить, что почти в то же время подобным образом высказывается о *κλιρός* и Демосфен, обращаясь к афинянам и обещая им новые земли и сокровища¹⁶, что свидетельствует о стандартности приема. В то же время упор на удобный момент, который может сразу изменить существующее положение, исправить ошибки прошлого, обеспечить безопасность будущего, довольно характерен для эпохи. Значение этого момента начинает занимать все большее место в теории как отражение современных Исократу и Демосфену политических событий, неустойчивости союзов, войн, ослабления ведущих полисов, возвышения второстепенных.

Мы уже останавливались на характеристике, данной оратором состоянию дел в Греции и причинам, из-за которых, по его мнению, невозможно саморегулирование конфликтов. Признав Македонию силой, призванной совершить то, что оказалось невозможным для полисов, Исократ описывает взаимоотношения Эллады и Македонии в тот момент, когда Филипп должен выступить в роли спасителя греков. Характеристика этих взаимоотношений и обращение к личности македонского царя все время переплетаются и дополняют друг друга.

В первых же абзацах речи сказано, что ее цель — прекратить взаимное соперничество полисов и Македонии (*παύσασθαι τῆς φιλονικίας*) (Phil. 4). Упомянув о фессалийцах, которых царь расположил к себе, оратор сообщает также о соседних городах, из которых одни привлечены Македонией на свою сторону благодеяниями (*ταῖς εὐεργεσίαις*), а другие Филипп покарал за сопротивление (*ἰναστέτους πεποίηκεν*) (Phil. 20). Но прямых указаний на вражду мало или, по выражению Бласса, они очень тактичны¹⁷. Исократу важнее подчеркнуть факторы, способствующие сотрудничеству. При этом он предпочитает не замалчивать факты, а давать их в нужной форме и с нужными комментариями. Подобная позиция позволяет ему, с одной стороны, встать в позу непредвзятого наблюдателя, а с другой, — очень гибко проводить нужные ему идеи.

Итак, Исократ показывает взаимоотношения Греции и Македонии большей частью замаскированно. Их предыстория должна доказать, что эллинские города всегда были в дружбе с предками Филиппа (Phil. 32—34, 77, 106). Отношения с греками в настоящем прямо почти не затронуты. Зато советы на ближайшее будущее очень многочисленны и подробны. Внимательно рассмотрев их, можно воссоздать картину истинного положения и отношения к нему автора.

Прежде всего македонскому царю следует поступать одинаково в отношении всех греческих полисов. Нужно остерегаться ошибок, совершенных в прошлом, и ни в коем случае не допускать их повторения в будущем (Phil. 35). Своевременные услуги предают забвению прежние ошибки, например, если у Филиппа возникли враждебные взаимоотношения (*ἀγῆδια*) с каким-либо полисом (Phil. 37, 80). Исократ говорит о своем плане на будущее и убеждает македонского царя, что приобрести расположение эллинов гораздо лучше, чем силой (*κατὰ κράτος*) захватывать многие греческие города, ибо подобные действия вызывают недоброжелательство, ненависть и многочисленные проклятия (*εὐθόνοος, δυσμένεια, πολλὰ βλασφημίαι*) (Phil. 68).

¹⁶ De m., I, 8—9; II, 2, 23; III, 5—6, 16; IV, 18.

¹⁷ Fr. B l a s s, Die attische Beredsamkeit, II, Lpz, 1892, стр. 319.

Существующее положение отражено Исократом еще одним своеобразным приемом — через аргументацию противников. Она такова: могущество (*δύναμις*) Филиппа возрастает не в интересах Эллады, а против нее, его коварная политика направлена на разъединение греческих государств, тогда их легче покорить. Значительная часть греческих городов уже попала в подчинение к Македонии. Словом, Филипп злоумышляет (*ἐπιβουλεύω*) против всех эллинов (*Phil. 73—75*). Исократ с негодованием отвергает эти слухи как ложные, не упуская возможности лишний раз опорочить противников, объявив их сочинителями выдумок (*οἱ λογοποιοῦντες*). Он спешит реабилитировать Филиппа заявлением, что за тем нет никакой вины. Тем не менее автор предупреждает, что не нужно давать поводов к подобным слухам, не следует презирать толпу (*χρὴ δὲ μὴ καταφρονεῖν τοῦ πλῆθους*) и пренебрегать всеобщим уважением (*Phil. 79*), т. е. косвенно признает непопулярность Филиппа в Греции и отношение к нему, как к завоевателю.

Описание действий македонского царя в Элладе от имени противников Исократ и мнимое опровержение истинности нарисованной картины — ораторский прием, благодаря которому автор не погрешил в глазах современников против действительных событий и выразил свое отношение к политике Филиппа в Греции¹⁸. В оценке серьезности надвигающейся опасности он, надо думать, был сходного мнения со своими политическими противниками¹⁹. Поэтому неумеренная, порой грубая, лесть, прославляющая исключительное положение Филиппа, его заслуги, дарования, могущество (*Phil. 18—19, 41, 67, 76*) — лишь обманчивая внешняя оболочка. Войны царя с полисами названы ошибкой, которой впредь следует остерегаться. Правда, оценка смягчается признанием, что ошибки совершены с двух сторон и вообще люди более склонны ошибаться, чем поступать правильно (*Phil. 35*).

Исократ видел захватнические планы Филиппа в отношении Греции, не идеализировал царя и не был введен в заблуждение его лживыми обещаниями. Оратор дает ясную и трезвую оценку происходящих событий и взвешивает их возможные последствия для Эллады. Завоевательную политику Филиппа он пытался направить в русло, выгодное для Греции²⁰. Македонский правитель выбран главой похода в силу сложившихся обстоятельств. Исократ считает обращение к нему единственной возможностью спасти Грецию от завоевания ее Македонией, а общество от распада. Предпринимается попытка переключения, один конфликт используется для решения другого.

Обращает внимание обилие терминов, обозначающих подчинение. Там, где речь идет о взаимоотношениях Македонии с покоренными племенами, о господстве над варварами, варьируются слова (*κύριος, δυναστεία, δεσπότης, βασιλεύς*). Там же, где упоминается о политике Македонии по отношению к Греции, автор старается избегать подобных выражений. Эти термины замещаются другими, применяемыми для описания внутренней политики Эллады — *ἀρχή, δύναμις*. В них отсутствуют оттенки подчинения, подчеркивается равноправное партнерство.

Постоянно встречаются ссылки на генеалогию, устанавливающие греческое происхождение македонского царя (*Phil. 32—34*). Указывается, что предкам Филиппа была предоставлена царская власть (*βασιλεία*) и гегемония (*ἡγεμονία*) на вечные времена (*Phil. 33*). Применение двух этих терминов подчеркивает различные функции власти для македонского правителя: царская власть — для Македонии, гегемония — для Греции. Тезис подкреплен утверждением, что к эллинам надо относиться как к друзьям и союзникам, они не терпят принуждения (*Phil. 16, 68, 79—80, 107*). Исократ ставит перед собой цель доказать, что предки Филиппа никогда не стремились властвовать над эллинами, что греки не терпят монархии, в то время как другие народы не могут жить без подобного господства (*ἀνευ τῆς τοιαύτης δυναστείας*).

¹⁸ Perlman, Isocrates «Philippus»..., стр. 312.

¹⁹ Mathieu, Les idées..., стр. 14.

²⁰ A. Momigliano, Filippo il Macedone. Saggio sulla storia Greca del IV secolo a. c., Firenze, 1943, стр. 190.

(Phil. 107)²¹. Проведено четкое размежевание функций македонского царя: по отношению к грекам — верный (πιστός), по отношению к варварам — грозный (φοβερός) (Phil. 80). Исократ утверждает, что предок Филиппа стал в Македонии царем, но не господином, не деспотом, поэтому его царствование было отлично от остальных (Phil. 105—108). При этом под царским образом правления оратор, вероятно, подразумевает власть не персидских, а спартанских царей.

В тексте противопоставляются власть царя (βασιλικὴς) и власть тирана (τυραννικὴς) (Phil. 154). Оратор подчеркивает, что монархическая форма правления связана со многими опасностями, избежать которых можно лишь при правильной политике (Phil. 108). Мысль подана замаскированно, она связана не с самим Филиппом, а с его предками. Тема войны звучит и здесь. Главное в войне — правильно выбрать врагов и союзников, в данном случае персов и греков. Правильный выбор решает успех войны, ее справедливость, законность. Поэтому война македонян и греков оказывается чреватой опасностями не только для эллинов, но и для власти самого Филиппа, так как будет незаконной (ср. Dem., II, 9—10). Законность в этом случае служит решающей переменной.

Оратор хотел, чтобы Филипп объединил Элладу в виде федерации свободных греческих городов²², подчиненных царю как военному вождю. Он предложил македонскому царю в походе против общего врага роль гегемона, но не монарха и не военного диктатора. По отношению к полисам он должен был выступить в роли более сильного союзника, а не правителя. Вопрос о союзничестве, т. е. о необходимости более крупного объединения, чем полис, был чрезвычайно важен для политической жизни греческих государств. Попытки создания различных федераций предпринимались на протяжении всей истории Эллады, но особенно актуальны они были для данного периода. Исократ настаивал на необходимости заключения двойного союза: полисов между собой и всех греков с Филиппом. Демосфен тоже придает вопросу о союзничестве большое значение, например, о необходимости союзников для Афин, о значении союзников для Филиппа (Dem., I, 10; II, 13—14)²³.

Исократ пытается интерпретировать действия царя в нужном ему свете и убедить того изменить политику по отношению к полисам, указывая на многочисленные выгоды, которые можно из этого извлечь. Например, Филиппу выгодно (λυσιτελέω), чтобы афиняне вернули себе Амфиполь, так как, передав город на словах (λέγω), на деле (ἔργω) он будет владеть им. Тут же указывается на необходимость взаимных уступок, однако последнее слово в решении вопроса остается за афинянами (Phil. 2—6).

Характерно сопоставление дружбы (φιλία) и дохода (πρόσοδος) как однозначных понятий. Дружба здесь понимается как сотрудничество, одинаково выгодное для обеих сторон, приносящее доход. По мнению автора, доходы, полученные благодаря дружеским отношениям, значительно превысят те, которые получает Филипп от завоевания греческих городов. Дружеские и союзнические отношения Исократ предлагает строить на чисто деловой основе.

В аргументации Исократ все время проводится стимулирование призывов и лозунгов экономическими и политическими выгодами. Высокие слова о долге, спасении, благодеянии неизменно подкрепляются другими понятиями: оратор исходит из положения, что государства руководствуются не ненавистью и клятвами (μῆτις ἔχθρας μῆτις ὄρκων) (Phil. 45), а только соображениями пользы (ὠφέλεια), которую Исократ понимал скорее как выгоду. Поэтому выгодно примирить греческие города, прими-

²¹ J. de Romilly, Eunoia in Isocrates, «The Journal of Hellenic Studies», XXVIII, 1958, стр. 99—100; Perlman, Isocrates Advice..., стр. 395; Bringmann, Studien zu den politischen Ideen..., стр. 399; K. von Fritz, Conservative Reaction and One Man's Rule in Ancient Greece, «Political Science Quarterly», LVI, 1941, стр. 79.

²² Фролов, Монархическая идея..., стр. 18; Bringmann, Studien zu den politischen Ideen..., стр. 111; von Fritz, Conservative Reaction..., стр. 79; Perlman, Isocrates «Philippus»..., стр. 314; Ryder, Koine eirene..., стр. 99.

²³ О проблеме союзников и взаимоотношениях между ними см. I. A. O. Larsen, Federation for peace in ancient Greece, «Classical Philology», 39, № 3, 1944.

рение принесет посреднику много полезного (Phil. 30, 36, 42). Точно так же выгодно стремиться к осуществлению таких дел, как поход на Восток ²⁴.

Внешне автор стремится занять позицию наблюдателя над спорящими сторонами, спокойно и без пристрастия анализирующего обстановку, чтобы найти наиболее правильное решение. Речь адресована двум противникам, она должна содержать аргументацию, способную убедить и ту, и другую сторону. Отсюда отказ высказаться в споре из-за Амфиполя в пользу Афин или Македонии, стремление выбрать наиболее мирные слова (τῶν λόγων εἰρηνικώτατον) (Phil. 3), а также часто повторяющееся признание ошибок и греческих полисов, и Филиппа, которые одинаково виноваты в сложившейся напряженной обстановке и получают одинаковые выгоды, примирившись между собой. Для этого от каждой стороны потребуются уступки, которые в дальнейшем окупят себя. Позиция, занятая в речи Исократом, была лишь удобной, гибкой формой, позволявшей ему наиболее эффективно совместить в одном произведении подбор доказательств, которые бы взаимноисключались, если бы были сопоставлены в одной плоскости.

Оратор отдавал себе отчет в том, что препятствием его идеям служило не только широко распространенное в Элладе негативное отношение к Филиппу и не только агитация политических противников Исократа. Препятствием служили и замыслы самого царя, весьма далекие от заботы о благе эллинов, от стремления к миру в Греции и дележу доходов после войны в Азии. И опять прямо об этом ничего не говорится, мысль подается опосредованно, отрицательные черты македонского царя воплотились в его советниках.

Подчеркивая свое беспристрастие, Исократ на словах стремится как можно дальше отойти от замыслов и греческих ораторов (ῥητόρων), и друзей Филиппа (σῶν ἐταίρων) (Phil. 2). Советники царя признаны наиболее деятельными (σπουδαίωτατοι) (Phil. 19) из македонян, знающими, что для него полезно ²⁵. Но понятие о пользе находится в контексте, где говорится о завоевании Македонией варварских племен. Очевидно, правильные советы сподвижников царя относятся к его внутренней политике и взаимоотношениям со всеми государствами, кроме греческих, так как тут же делается замечание, что они могут быть несведущи во всех других делах (περὶ τῶν ἄλλων ἀπειρὸς εἶχουσιν). Оказалось, что Филипп добился блестящего положения благодаря советам эллинов из числа тех, кого нельзя назвать незнаменитыми (οὐκ ἁδόξους ἄνδρας) или неразумными (οὐδ' ἀνοήτους) (Phil. 19). Намечается, пока комплексивно, распределение ролей в походе против варваров: греки — вдохновители, македоняне — исполнители.

Оба партнера солидарны в выполнении общей задачи, так как ожидают от этого значительной выгоды. Следовательно, услуга, оказанная Греции Филиппом, будет сделана в обмен на другую услугу — помощь греков в покорении Азии. С другой стороны, помощь будет оказана македонским царем в обмен за прошлую услугу: помощь эллинов предкам Филиппа, в этом варианте Филипп является должником и, помогая грекам, лишь платит свой долг. Наконец, помощь будет оказана в надежде на будущую услугу. Филипп помогает Элладе, так как сам надеется извлечь доходы из покоренной Персии. Объединение трех вариантов в одной речи лишний раз свидетельствует о той исключительной важности, которую придавал Исократ решению вопроса о взаимоотношениях с Македонией.

Таким образом, даже очень краткая и схематичная картина сложившейся обстановки показывает нам сложную иерархию взаимоотношений, включающую в себя анализ настоящего, задачи будущего, условия соглашения и принципы сотрудничества. Насколько реальны были задачи такого союза и верил ли сам Исократ, что он

²⁴ Стремление к выгоде, доходу — вообще характерная черта эпохи. Очень отчетливо она выражена у Ксенофонта, который предпочитает для обозначения этого понятия термин κέρδος.

²⁵ Демосфен считает, что Филиппа окружают грабители, лестицы и распутники (II, 19).

мог осуществиться на условиях, указанных им, какие цели он преследовал, обращаясь к Филиппу за помощью?

Мысль о возможном подчинении подспудно присутствует в речи, она проявляется в многократных предостережениях Филиппу не подчинять эллинов силой, это противно их природе, в ссылках на исторические примеры и в мысли о возмездии тем, кто правит подобно тиранам. Постоянно варьируется сочетание «победа — поражение». Многочисленные примеры должны убедить читателей в том, что здесь нет резкого разделения, одно может переходить в другое (Phil. 5—6, 43—53, 60, 62, 64). Победители часто в результате своих злоупотреблений оказываются не в лучшем положении, чем побежденные, а люди и государства по истечении короткого срока не только достигают прежнего положения, но значительно улучшают его. В конечном счете истинные победы или поражение определяются не настоящими событиями, а той пользой, которую они принесут в будущем.

Безусловно, Исократ не желал подчинения Греции Македонии, но, будучи трезвым политиком, понимал, что Филипп потребует определенных уступок. В сущности признание status quo на сегодняшний день и есть уступка, причем немалая, так как в жертву приносится часть греческой территории. Речь идет не о политической близорукости Исократа, а о том, насколько верно он предвидел результаты — могли ли в принципе эти уступки окупиться ожидаемыми выгодами. Вопрос решался им положительно, хотя уступки признавались до определенной границы.

В осуществлении программы Исократа и поддержании порядка в Элладе должна была помочь добрая воля (εὐνοία), проявленная как полисами по отношению друг к другу, так и Филиппом ко всей Греции, — уважение свободы и независимости других. Проблема содержания этого понятия у Исократа была поставлена в литературе. Ж. де Ромили видит в εὐνοία вид посредничества, соединяющий противоположные идеи²⁶. К. Брингман связывает с принципом доброй воли политику государства, желающего добиться успеха²⁷.

На наш взгляд, εὐνοία у Исократа всегда тесно связана с антитезой «сильный — слабый». В сфере внутрисполитических отношений — богатый и бедный, межполисных — сильные и слабые города, в области связи Греции с внешним миром — Эллада и Македония. Автор переносит на политику риторические приемы: оратор, желающий убедить аудиторию, должен иметь у нее хорошее мнение о себе. Ценность *δύναμις τῶν πολλῶν* должна стать установкой не только оратора, но и политического деятеля, государства. Исократ настойчиво рекомендует Филиппу не пренебрегать мнением греков о нем и стараться создать о себе хорошую славу (Phil. 78—80).

В «Филиппе» противопоставлены *κράτος* и εὐνοία, т. е. вынужденное, насильственное подчинение и добровольное признание превосходства. Сильная сторона должна позаботиться о своей доброй репутации и не демонстрировать превосходство слишком явно, проявлять известную заботу и о делах союзников. Те же в свою очередь обязаны мириться с тем, что являются более слабыми партнерами, следовательно, обязаны ради общей задачи пойти на некоторые уступки.

Пренебрежение доброй волей со стороны более слабого союзника — опрометчивый шаг, если εὐνοία не проявляется добровольно, то к этому вынуждает необходимость. Автор уверен, что польза убедит полисы прекратить раздоры, а бедствия заставят (Phil. 45). Добрая воля в понимании Исократа — осознанная необходимость определенных действий. Нужно отметить, что греко-македонский поход в Персию был осуществлен, хотя Исократ предполагал иную форму сотрудничества. В литературе дебатруется вопрос: существовала ли связь между речью Исократа и политикой Филиппа и Александра, а если да, то какая²⁸? Замыслы Филиппа и Исократа не сов-

²⁶ De Romilly, *Eunoia...*, стр. 96.

²⁷ Bringmann, *Studien zu den politischen Ideen...*, стр. 68.

²⁸ Мнения исследователей по данному вопросу резко расходятся. К. Брингман (ук. соч., стр. 96—97) считает, что Исократу не подходила македонская форма возвышения над Грецией. По мнению П. Вендланда (*Beiträge zur athenischen Politik und Publizistik*, Göttingen, 1910, стр. 188), Филипп мог воспользоваться идеями Исократовыми.

падали, каждый преследовал свои цели. Их программы, невзирая на принципиальную несовместимость, взаимодействовали и дополняли друг друга постольку, поскольку отвечали нуждам времени. Поэтому совпадают идеи Исократа и Филиппа о союзе Греции и Македонии, но не совпадают принципы этого союза и его формы. Как показало будущее, македоняне не могли обойтись в этом походе без эллинов, а полисы, даже понимая жизненную необходимость похода в Азию, сами не смогли бы его осуществить. О значении промакедонской и антиперсидской программы Исократа для реальной политики Филиппа можно говорить лишь предположительно.

Персия — второе варварское государство, к которому полисам следовало определить свое отношение. В IV в. ее активное вмешательство в греческие дела, зависимость Афин и Спарты от золота «великого царя», посольства, отправляемые к нему с просьбой о помощи, создали ситуацию, при которой греки были вынуждены считаться с Персией²⁹. Однако греческая оценка Персии была двойственной. Признавая богатство и силу персидского царя важным фактором при решении межполисных дел, эллины продолжали считать персов варварами. Моральная оценка, возникшая в V в. как прямое следствие греко-персидских войн, оказалась настолько устойчивой, что ее не смогли поколебать даже практические нужды общества. Прибегая к помощи «великого царя» и всячески добиваясь его благоволения, греки по-прежнему не скупилась на отрицательные характеристики варварам, считая их рабами по природе, понятия «раб» и «варвар» были тесно связаны между собой³⁰. Существовало две морали: одна для греков, другая для варваров³¹. Ксенофонт, описывая унижительные просьбы полисов и денежные подачки персов, все равно убежден в моральном превосходстве эллинов над варварами.

Исократ разделяет взгляды своих современников и приводит в речах уже стандартный набор оценок персов: то, что позор для потомка Геракла, похвала для варвара (Phil. 76). Он постоянно сопоставляет греков и варваров в пользу первых. Порицается трусость варваров (Phil. 137; Paneg. 152), их неспособность к управлению, предрасположенность к рабству (Phil. 90, 100—104, 125, 137). Автор подробно разбирает все стороны жизни персидского государства. В «Панегирике» он критикует сам принцип его организации — деспотию (Paneg. 151). Он доказывает, что царство не монолитно, полно скрытых противоречий (Paneg. 102). Держава переживает тяжелое время, так как отпали Египет, Кипр, Финикия, Киликия, правитель Карии лишь внешне дружески расположен к царю. Часть покоренных государств в сущности не оказывает персам никакой поддержки, зато может быть полезна их противникам (Paneg. 160—162; Phil. 102—103). Царя преследуют постоянные военные неудачи, по общему мнению, он недостойн быть ни правителем, ни полководцем (Phil. 100—101, 137).

Исократ доказывает читателям, что варвары плохо подготовлены к войне, у них нет хорошего войска (Paneg. 150; Phil. 124). Военная слабость Персии настолько очевидна, что ее смог поколебать даже небольшой отряд эллинов, пишет автор о походе Клеарха; он сообщает, что лишь случайность помешала Клеарху овладеть дер-

та, чтобы склонить общественное мнение в свою пользу. К нему присоединяется К. фон Ранхелленские Идеи, В., 1929, стр. 291—318) приходит к выводу, что оратор — либо политический мечтатель, либо орудие македонской пропаганды. А. Момильяно (ук. соч., Филиппа и помог ему своим именем. Ж. Матье (ук. соч., стр. 31—34) считает этот вопрос очень спорным и полагает, что здесь нельзя сказать ничего определенного. Наша точка зрения примыкает к позиции С. Пелмена (Isocrates «Philippus»..., стр. 317), полагавшего, что «Филипп» не может рассматриваться с точки зрения его влияния на политику Филиппа или Александра.

²⁹ Хен, Hell. I, 1, 14; II, 1, 10—14; IV, 1, 32; V, 1, 29—31; VII, 1, 27; Lys. XXXIII, 5; Isocr., Ageorag. 81; Phil. 42.

³⁰ Э. Л. Грейс, Что такое раб и искусство управления людьми, ВДИ, 1970, № 1, стр. 54.

³¹ Т. Гомперц, Греческие мыслители, т. 2, СПб., 1913, стр. 13.

жавой царя, который после битвы с греками проникся презрением к своему войску (Paneg. 162; Phil. 90—92).

Параллельно описываются богатства Азии, плодородие ее почв (Paneg. 132), автор с возмущением отмечает, что Азия пользуется большим благополучием, чем Европа, а варвары богаче эллинов (Phil. 132). Исократ призывает к походу против персидского царя, выставляя два основных мотива: отмщение за старые обиды (Phil. 42; Paneg. 155, 185; Agerag. 6) и извлечение дохода из Персии (Paneg. 17, 133; Phil. 9), это прекратит ссоры греческих государств друг с другом. В мотивировке похода у Исократа, как и при решении других проблем, смешиваются моральная и экономическая оценки. Исократ напоминает, что все, кто начинал воевать с царем, становились из бесславных знаменитыми, из бедняков — богатыми, из малоимущих — обладателями обширных земель и государств (Phil. 89). Он полагает, что война с Персией поможет урегулировать вопрос о тех, кто скитается за неимением необходимых средств к жизни (увеличение их численности может привести к тому, что эти люди будут ничуть не менее страшны для эллинов, чем для варваров) (Phil. 121). Обращают на себя внимание некоторые детали. Например, отсутствует обоснование военной угрозы со стороны Персии. О ней упомянуто только один раз, да и то для усиления контраста и доказательства морального падения греков по сравнению с их предками (Phil. 124). Превалируют чисто практические выгоды — извлечение доходов и избежание от смутьянов. В речи есть ссылки на прошлые обиды, но ни слова о реальной опасности.

Для Исократа показательно, что конфликт интересов у него не переведен в конфликт идей. Правда, автор пытается немного замаскировать истинные причины лозунгами разрушения могущества варваров во имя свободы, избавления народов от варварской деспотии и перехода их под покровительство эллинов (Phil. 154), однако призыв извлечь доход из Азии звучит для него и естественнее, и убедительнее.

Идея азиатского похода была попыткой переключить внутренний конфликт на внешний. При этом показателем величины, интенсивности и серьезности внутренних конфликтов греческого общества служит не только их непосредственное описание и комментирование, но и глубина разработанности и обоснования необходимости внешнего конфликта. Указанные явления находятся в прямой пропорциональной зависимости: чем глубже внутренний конфликт, тем убедительнее и настойчивее аргументация внешнего. Исократ использовал идею противопоставления Греции и Персии в качестве стимула для консолидации сил как внутри отдельных полисов, так и между ними ³².

В «Филиппике» Персия послужила регулятором не только внутренних конфликтов. Походом на Восток автор надеялся отвлечь внимание македонского царя от Греции, предложив ему другие земли и богатства, более легко доступные, и пообещав помощь в их получении. Обоснование законности войны греков против варваров, доказательство политической и военной слабости последних — все служит для того, чтобы убедить Филиппа, что воевать с Персией проще и выгоднее, чем с Элладой. Отсюда такой контраст в описании военно-политической организации Персии и ее экономики.

В программе завоевания Персии легко прослеживаются два направления. Аргументация автора, как и прежде, адресована двум разным объектам — Греции и Македонии, служит для разрешения внутреннего и внешнего конфликтов. Обращаясь к Филиппу, оратор говорит о необходимости разрушить царство (*τὴν βασιλείαν ἀλλήλων*), захватить как можно больше земли (*χώραν ὅτι πλείστην ἀπορίσκαθαι*),

³² Проблема единства греков была поставлена еще в V в. и неизменно связывалась с противопоставлением варварам. Идея устранения соперничества между полисами путем объединения их сил против Персии была высказана уже Горгием в «Олимпийской речи». Исократ не был создателем идеи панэллинизма, он снова выдвинул и обосновал лозунг войны с Азией именно в тот момент, когда Эллада больше всего нуждалась в нем. Оратор довел программу до ее логического конца, не только противопоставив варваров и эллинов, но и сформулировал основные задачи похода.

основать на этой территории города (πρὸς δὲ τοῦτοις κτίσαι πόλεις ἐπὶ τοῦτῳ τῷ τόπῳ), в которых и поселят тех, кто не имеет средств (Phil. 120). Захваченные земли следует поделить (Phil. 122). Если же эта программа не будет выполнена, то следует хотя бы освободить города, находящиеся в Азии (Phil. 123). Хотя выполнение данной задачи и возложено на Македонию, ясно, что в ней была заинтересована в основном Греция. Указанные мероприятия, которые должны были стимулировать интерес полисов, явились в сущности греческим планом колонизации Персии. К ним примыкают ссылки на прежнюю вражду и призывы отомстить за причиненное зло (κακόν). Поэтому аргументы подобраны так, чтобы заинтересовать полисы.

К. А. Миллиор отметила, что основой соглашения между полисами в Греции, по Исократу, являлась их автономия, но без эксплуатации периферии полис обрекался на экономическое вымирание³³. Поэтому извлечение дохода из Азии было задачей, которой подчинялся план колонизации³⁴.

Вторая группа аргументов подобрана так, чтобы убедить Филиппа возглавить поход, заинтересовать его предстоящей войной. Она имеет другую структуру. Отсутствуют напоминания о священной мести, разработка управления завоеванной страной. Вместо них рассмотрены факторы, обеспечивающие успешную военную кампанию. Исократ анализирует прежние походы Клеарха и Агесилая и приходит к заключению, что причина их неудач заключалась в отсутствии хорошо организованного тыла (Phil. 86—92, 95—97). Объединение Эллады Филиппом устраняет это препятствие. С военной стороны настоящий поход организовать легче еще и потому, что из скитающихся по стране людей можно легко набрать наемников (Phil. 96). Ни слова не говорится о способах получения богатства, лишь настойчиво подчеркивается, что предводитель похода сумеет извлечь из него пользу (ὠφέλεια), а также получит немеркнущую славу и почет (Phil. 36, 111—119, 133—143, 153). Польза здесь понимается скорее как военная добыча, чем как постоянный доход от покоренной страны. Выше отмечалось конспективное распределение Исократом роли греков и македонян в предстоящем походе — исполнители и вдохновители. План завоевания Персии добавляет новый аспект к этому положению: как будет производиться дележ добычи, кому достанется интенсивная, а кому экстенсивная эксплуатация захваченной территории. Различные уровни эксплуатации соответствовали, кстати, и уровню развития Эллады и Македонии.

Таким образом, политическая программа Исократа в речи «Филипп» характеризуется следующими особенностями. В «Филиппе» затронуты важнейшие для Греции вопросы об отношении полисов к соседним варварским государствам — Македонии и Персии. Однако решение этих вопросов подчинено основной задаче программы: установлению в Элладе прочного социального и политического мира. На каких конкретно принципах он будет основан, автор не упоминает, ограничиваясь общими словами об автономии, справедливости, справедливой политике.

Выход из создавшейся кризисной ситуации в политике и социальных отношениях оратор видит в объединении полисов и внешней экспансии, войне греков с персами. Для осуществления этой акции Исократ использовал идею панэллинизма как общности истории и культуры, объединяющей эллинов и, несмотря на их раздоры, лицом огромного варварского мира. В установке оратора, ориентированной на события текущего дня, идея панэллинизма занимает весьма почетное место, но не следует забывать, что предложенная программа действий носила характер средства, а не

³³ Миллиор, ук. соч., стр. 96.

³⁴ Болдри (H. C. Boldry, The Unity of Mankind in Greek Thought, Cambr., 1965) высказал мнение, поддержанное С. Пелменом (Isocrates' Advices...), что поход греков в Азию Исократ воспринял как миссию цивилизации. Четко сформулированный колонизационный план оратора опровергает подобное истолкование. Внимание Исократа направлено на экономические выгоды, а не на civilising mission. Подобная интерпретация не разделяется большинством исследователей, отмечавших тесную связь между социально-политической программой Исократа и его пропагандой антиперсидского похода.

цели, следовательно, нельзя выдвигать панэллинизм как основной принцип межполисных отношений или новый тип связи между греческими государствами.

В программе политики полисов по отношению к Македонии и Персии панэллинизм занимает центральное место, так как направлен против варварского мира. В «Филиппе» Исократ выступает от имени всей Греции, а не каких-либо отдельных полисов. В данном случае мы не согласны с мнением Пелмена, что главным партнером Филиппа в предстоящем союзе выбраны Афины — морская мощь Греции, чтобы город сохранил свое влияние в Элладе. Исследователь считает, что в данной речи Исократ выступает с афинофильских позиций³⁵.

В принципе оратор стоял на афинофильских позициях, в анализе настоящего и в программе на будущее он исходил прежде всего из интересов своего родного города. В «Филиппе» автор явно выделяет Афины из числа других полисов, не давая им такой мрачной и безнадежной характеристики, как Спарте, Аргосу и Фивам, подчеркивая, что Афины — единственное крупное греческое государство, заключившее мир с Македонией.

Исократ невольно выдает свои симпатии, однако в целом он стремится сnivelировать отношение к ведущим полисам, обращает внимание на общие беды и общие интересы греков. При решении внутриэллинских дел оратор отвергает этот принцип, но во внешней политике он абстрагируется от интересов одного полиса и при решении проблемы оперирует обобщенным понятием Эллады как системы полисов. Хотя автор имел дело с конкретной политической ситуацией, вопросы союза с Македонией решались им на теоретическом уровне. Он брал полис как определенный тип организации государства, а не те варианты, в которых этот принцип воплощался на практике. Речь шла о сотрудничестве двух принципиально различных государственных организаций — греческого полиса и македонского царства, — при этом Исократ исходил из интересов полиса.

Тезис, что оратор — представитель зажиточных кругов населения, которые хотели с помощью Македонии укрепить свои позиции, представляется не совсем верным³⁶. Социальная и политическая программы Исократ, конечно, базировались на интересах определенных групп граждан. Особенно отчетливо это прослеживается при решении им социальных вопросов. Но в «Филиппе» отстаиваются интересы полиса как государственной системы, в существовании и процветании которой были заинтересованы все граждане. Поэтому внешнеполитическую программу автора мы также не можем представить ни как демократическую, ни как олигархическую.

В постановке проблемы взаимоотношений с Македонией Исократ диаметрально противоположен Демосфену. Оба оратора исходят из одной и той же посылки: сохранения полисной организации, но идут разными путями. Одинаково оценивая целый ряд явлений, они из-за различия в политических и социальных программах делают противоположные выводы. Были два пути устранения Филиппа как противника Эллады — мирный и враждебный. Первый из них — программа Исократ, который хотел путем переговоров превратить противника в союзника. Второй — программа Демосфена, война, направленная на подавление противника. Политические группировки Исократ и Демосфена, их различное понимание внутренней и внешней политики полиса — два пути сохранения полисной системы. Исократ пытался для стабилизации этой системы использовать союз с одним варварским государством для войны против другого, заключив его от имени всех греческих государств. Мера эта временная и вынужденная, она не является политическим принципом, но все-таки примечательно, что подобный шаг сделан, он знаменовал поиски новых типов связей Эллады с внешним миром. Демосфен хотел сохранить старую структуру при помощи традиционных методов, внося некоторую модернизацию в духе времени. В своих действиях он опирался лишь на внутренние силы системы и категорически исключал посторонние.

³⁵ P e r l m a n, Isocrates «Philippus»..., стр. 312, 316.

³⁶ А. С. Ш о ф м а н, История античной Македонии, Казань, 1960, стр. 217, 222—223.

В вопросе взаимоотношений с Персией Исократ повторяет целый ряд положений «Панегирика», добавив к ним более подробный, чем прежде, план колонизации. Он продолжает развивать идею перенесения войны за пределы Эллады, указывая на неоспоримые выгоды, которые в результате этого могут получить полисы. Новое в данном случае то, что роль вождя похода поручена уже не греческому государству, а врагу Эллады. Оратор тщательно оговаривает функции греков и македонян в предстоящем походе и положения, лежащие в основе дележа добычи. В «Филиппе» (по сравнению с другими речами Исократ) резко возрастает роль Персии, войну с которой оратор рассматривает как способ решения внутреннего и внешнего конфликтов.

В. И. Исаева

THE POLITICAL PROGRAMME OF ISOCRATES IN THE *PHILIPPUS*

by V. I. Isayeva

In the *Philippus* Isocrates touched on questions of the greatest importance for Greece: the relations between the Greek cities and the barbarian states of Persia and Macedonia. The orator describes the impoverished condition of the Greek cities, the cure for which he sees in external expansion,¹ in a joint Graeco-Macedonian campaign against Persia. In the *Philippus* he elaborates the principles upon which joint action by two state systems as different as those of the Greek polis and the Macedonian kingdom must be based. The role to be played by each of the allies is sketched out in the rough (the Greeks are to provide the driving spirit, the Macedonians are to lead the campaign) and also the various ways in which the conquered territory can be exploited. Isocrates was aware of the aggressive designs of Philip with regard to Hellas. By proposing that Philip unite the Greek cities for war against Persia Isocrates hoped to distract the Macedonian king's attention from Greece. The conquest of Persia was to resolve two conflicts at once, the domestic and the foreign, it was to put a stop to conflicting rivalries among the Greek cities and save them from Macedonian conquest. The method proposed by Isocrates for settling the problem of relations with Macedon was diametrically opposite to the solution favoured by Demosthenes, though the two men had one common aim: the preservation of the polis system. As an enemy of Hellas Philip could be eliminated either by peaceful means or by war. The first way was chosen by Isocrates, whose programme was to transform the enemy into an ally by means of negotiation. Demosthenes preferred the way of war, war aimed at crushing the enemy. While Isocrates sought to achieve the stabilisation of the polis system by an alliance with one barbarian state for war against another, Demosthenes wanted to keep to the old pattern, putting his whole reliance on the internal strength of the polis system.

ОБ АТРОПАТЕ — СОВРЕМЕННОМ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Большинство советских и зарубежных исследователей истории древнего мира придерживаются точки зрения, что глава области Атропатена, известный античным авторам как «атропат»¹, «один из могущественнейших правителей»² и «мужественный

¹ Вопрос о нарицательном характере этого имени — отдельная тема, обсуждение которой продолжается. Некоторые историки считают его титулом (см., например, F. S p i e g e l, *Eranische Altertumskunde*, II, Lpz, 1874, стр. 517), другие это отрицают (см., например, И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 443).

² Там же, стр. 450.